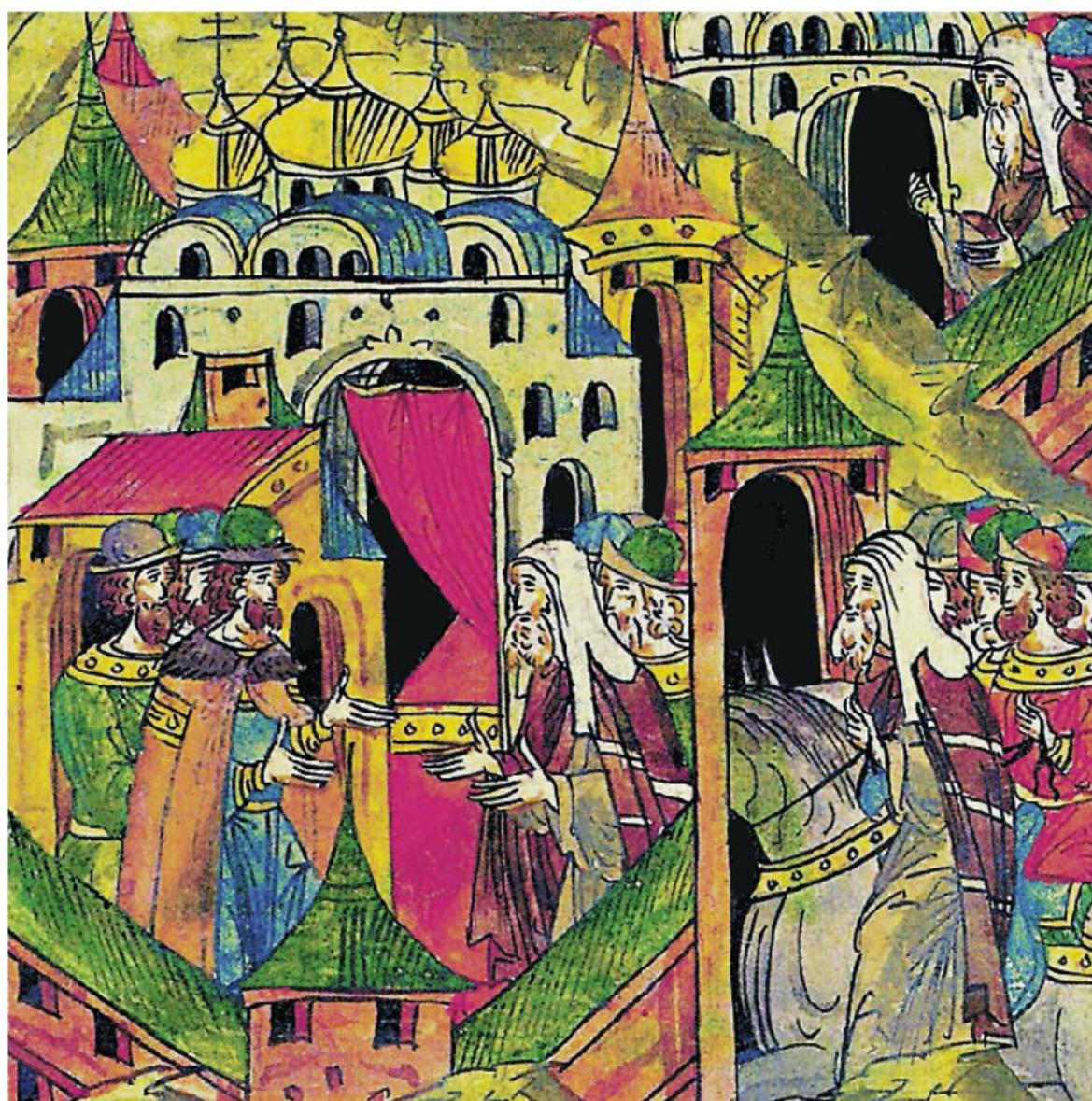

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Е.И. МАЛЕТО

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Дипломатические отношения
в конце XIV — середине XV в.

Новейшие исследования по истории России

Елена Малето

**Средневековая Русь
и Константинополь.**

**Дипломатические отношения
в конце XIV – середине XV в.**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43-68

Малето Е. И.

Средневековая Русь и Константинополь. Дипломатические отношения в конце XIV – середине XV в. / Е. И. Малето — «Центрполиграф», 2018 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-08345-6

Работа посвящена одному из направлений средневековой дипломатической истории: борьбе княжеств Северо-Восточной Руси (Московского, Тверского, Нижегородского), Русско-Литовского государства, а также Русской православной церкви за приоритет в деле воссоединения русских земель и роли так называемого «византийского фактора» в становлении российской государственности. В центре повествования – Великое княжество Московское конца XIV – середины XV столетия, то есть период правления великих князей Московских Василия I (1389— 1425) и Василия II (1425— 1462). В это время «собрание земель» вокруг Москвы приобрело устойчивый характер, а главными оппонентами Москвы стали Тверь и Нижний Новгород. Феодалная война второй четверти XV столетия заметно ослабила центральную власть, но не смогла остановить процессы объединения. Поддерживая московских князей и их политику объединения земель вокруг Москвы, Русская православная церковь опиралась на свой духовный авторитет и активно задействовала рычаги идеологического и политического порядка, в том числе международные связи с Константинопольским патриархатом. На основе архивных и опубликованных материалов освещаются дипломатические отношения Константинополя, московской митрополичьей кафедры, а также церковного епископата Твери и Нижнего Новгорода.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)43-68

ISBN 978-5-227-08345-6

© Малето Е. И., 2018

© Центрполиграф, 2018

Содержание

Введение	7
Раздел I	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Е.И. Малето
Средневековая Русь и Константинополь.
Дипломатические отношения
в конце XIV – середине XV в.

Новейшие исследования по истории России
Институт российской истории Российской академии наук

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Рецензенты:

д. и. н. В.А. Кучкин,
д. и. н. Г.А. Санин,
д. и.н., чл.-корр. РАН А.Н. Сахаров

Публикуется по решению ученого совета Института российской истории РАН

Введение

Одним из важных факторов, оказавших влияние на процесс объединения русских земель вокруг Москвы, стали международные связи Северо-Восточной Руси¹ с Константинополем в конце XIV – середине XV в.

Северо-Восточная Русь, ее князья и клир были активными участниками политической борьбы и вдохновителями политики «собирания русских земель», поэтому противоречия между церковной и светской (княжеской) властью, роль «византийского фактора» в политическом развитии удельной Руси представляют для специалистов интерес, что в полной мере относится ко времени правления великих князей Московских Василия I (1389—1425) и Василия II (1425—1462). Этот исторический период стал пиком дипломатической активности светской (княжеской) власти и представителей Русской православной церкви (митрополиты, епископы) накануне образования единого Русского централизованного государства.

Уже в XIV в. началось постепенное восстановление связей между русскими землями путем включения их в орбиту Москвы, которое еще не вело к осознанию общерусского государственного единства, но уже декларировалось в заключенных договорах Дмитрием Донским (1350—1389), стремившимся закрепить за своими потомками не только территорию вотчины Московского княжества, но и великое владимирское княжение. Подготавливалось оно и идеологически, о чем свидетельствует перенесение из Владимира в

Москву накануне Куликовской битвы главной святыни Владимирского Дмитриевского собора – иконы Дмитрия Солунского (1380); иконы Владимирской Божией Матери при сыне Дмитрия Донского Василии I (1395).

В XV столетии «собирание земель» приобрело устойчивый характер, совершенно ясно обозначилось руководящее значение Московского княжества в политической системе княжеств Северо-Восточной Руси.

Москва сумела перехватить инициативу в контактах с Константинополем у Твери, Великого княжества Литовского, так как там располагалась митрополичья кафедра, и добиться автокефалии (или независимости) от «ромеев» уже к середине XV столетия (1448).

Церковь с ее религиозным влиянием, используя многовекторные (дипломатические, церковные, культурные) международные связи с Константинопольским патриархатом, соперничала и с центральной, и с местной княжеской властью, но по мере укрепления великих князей Московских становилась слабее.

Феодальная война второй четверти XV в., заметно ослабив центральную власть, замедлила, но все же не смогла остановить объединительные тенденции.

Тема настоящего исследования относится к малоизученным страницам отечественной истории и ориентирована на изучение конкретных вопросов, связанных с дипломатической активностью Москвы, Твери, Нижнего Новгорода и Константинополя в один из переломных моментов отечественной и мировой истории – времени усиления Московского княжества и времени падения под ударами турок-османов некогда могущественной Византийской империи.

Исследование отчасти восполняет существующий ныне пробел в освещении церковно-политических взаимоотношений крупнейших региональных центров Северо-Восточной Руси (Москвы, Твери, Нижнего Новгорода) и Константинополя, создает фактические предпосылки для привлечения дополнительного внимания специалистов к изучению вопросов дипломатической истории русского Средневековья.

В течение долгого времени в трудах отечественных и зарубежных ученых затрагивался вопрос изучения участия иерархов Русской церкви (митрополитов, епископов) в политических процессах в период возвышения Москвы, ее борьбы с Тверью, Нижним Новгородом, Литвой

(Пл.П. Соколов, о. И.Ф. Мейендорф)², но до сих пор нет специального обобщающего исследования, которое бы раскрывало коренные (дипломатические, церковные и культурные) тенденции этого участия.

Имеется в виду активная роль русской митрополичьей кафедры, которая находилась со времени Крещения Руси (988; 989 – по ультрамартовскому счету) в Киеве. Впоследствии при митрополите Максиме (1283—1305) резиденция митрополита была перенесена из Киева во Владимир-на-Клязьме (1299; 1298 – по ультрамартовскому счету)³, что подчеркнуло новый статус великих князей Владимирских, ставших со временем во главе процесса постепенного собирания русских удельных земель в единое Русское государство, а затем митрополит переехал в Москву (1325).

Переезд митрополита «всея Руси» Петра (1308—1326) во Владимир-на-Клязьме в 1308—1309 гг. закрепил выбор, сделанный Максимом. Перед кончиной Петр объявил о своей воле быть погребенным не в Киеве или Владимире, а в Москве, что явилось серьезным основанием для города стать новым и постоянным местопребыванием Предстоятеля Русской церкви.

Распространенное мнение, что именно Петр перенес резиденцию митрополитов «всея Руси» в Москву, ошибочно. «Мощи Петра как бы освятили будущую церковную столицу Руси, став стимулом для Москвы в ее настойчивых претензиях на роль нового государственно-политического центра русской державы»⁴.

Этот важный исторический шаг был поддержан новым митрополитом – греком Феогностом (1328—1353), который разделял политику Ивана Калиты, направленную на укрепление политического положения Руси и Русской церкви в условиях только еще начинавшегося процесса объединения княжеств, хотя противостояние между Москвой и Тверью в борьбе за главенство среди русских княжеств еще не было завершено.

Возвратившись из Орды в 1333 г., Феогност избрал своим постоянным местопребыванием в Северо-Восточной Руси не Владимир, а Москву, которая уже с середины XIV столетия крепко удерживала лидерство в своих руках, в том числе и инициативу общения с Константинополем.

Документальной основой работы стали как архивные, так и опубликованные материалы: летописи; актовые материалы; послания митрополитов и великих князей патриарху Константинопольскому; послания митрополитов русским князьям и великим князьям Литовским; окружные послания митрополичьим наместникам; духовные и договорные грамоты великих и удельных князей; записки русских путешественников XIV—XV вв. – так называемые хождения; произведения агиографической литературы (жития святых) и литературные памятники (повести и т. п.).

Важнейшие из них хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГДА). Использовались материалы нескольких архивных фондов (ф. 179 – «Комиссия печатания государственных грамот и договоров»; ф. 180 – «Канцелярия МГАМИД»; ф. 196 – «Собрание Ф.Ф. Мазурина»; ф. 199 – «Портфели Миллера»), где содержится богатый фактический материал о политической истории княжеств Северо-Восточной Руси⁵.

Из источников, хранящихся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), оказались востребованы «Исидоров Собор и хождение его» («Повесть Симеона Суздальца о восьмом Соборе»), а из фондов научного архива Института российской истории РАН – фонд № 4 В.О. Ключевского, в составе которого имеется рукопись знаменитого труда историка «Древнерусские жития святых как исторический источник» и другие аутентичные материалы, важные для изучения эпохи Сергия Радонежского и политики великих князей Московских в отношении церкви⁶.

Из рукописей Российской национальной библиотеки (СПб.) использованы следующие: «Послание великого князя Московского Василия II Васильевича Константинопольскому пат-

риарху»; «Послание великого князя Василия II Васильевича на Святую гору»; «Послание от Святой горы на Русь благоверному князю Василию Васильевичу по Сидоре еретике князю Василию II Васильевичу»; «Послание патриарха Григория III Маммы, патриарха Константинопольского князю Александру (Олелько) Владимировичу»⁷,

Источниковой базой по истории Тверского и Нижегородского княжеств послужили летописи. Наибольшее значение для изучения событий церковно-политической истории конца XIV – середины XV в. Твери имеют Московский летописный свод конца XV в.; Рогожский летописец; Львовская летопись; Ермолинская летопись; Симеоновская летопись; Софийские летописи; Тверская летопись; а также Никоновская летопись; Воскресенская летопись; Супрасльская летопись⁸.

Летописные записи по истории Рязанского княжества, которое располагалось на юго-востоке Руси и играло заметную роль в политических событиях конца XIV – середины XV столетия, также были привлечены в ходе исследования. Они дошли до нас преимущественно в списках XV—XVI вв. Используются материалы Симеоновской, Новгородской I и IV, Софийской первой летописи и Рогожского летописца в силу их наибольшей достоверности и приближенности к интересующим нас событиям⁹.

Для изучения церковно-политической истории конца XIV – середины XV в. Нижнего Новгорода привлечены известия Симеоновской летописи; Рогожского летописца; Ермолинской летописи и Московского летописного свода конца XV в.¹⁰

В ряду опубликованных источников, важных с точки зрения проблематики исследования, оказались востребованы такие академические издания, как «Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека» (РИБ. 1880; 1908. Т. VI); «Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI вв.»; «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI веков»; «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI веков»; «Акты служилых землевладельцев XV—XVII вв. Сборник документов в 4-х т.» и другие¹¹.

Все документы представляют живой интерес для исследователя, поскольку помогают понять, насколько интенсивно велась дипломатическая борьба в русских землях и в Литве (особенно в период правления великого князя Литовского Витовта (1392—1430) при участии Константинопольского патриархата, римского престола, русских митрополитов, епископов, князей и какой международный резонанс она имела в конфессиональной, политической и культурной сферах.

Документальные источники по истории Византии представлены актовым материалом – так называемые акты Константинопольского патриархата и послания патриарха, которые сохранили официальную дипломатическую переписку патриарха в виде грамот и посланий с восточнославянскими правителями и представителями церкви.

Практически все архивы имперской и патриаршей канцелярий Византии погибли либо в 1204 г., когда город был захвачен крестоносцами, либо в 1453 г., когда его взяли штурмом турки-османы, но в двух томах, изданных Ф. Миклошичем и И. Мюллером в 1860 г. и хранящихся ныне в Австрийской национальной библиотеке (Вена), содержатся официальные документы патриархата последнего столетия византийской эпохи, включающие постановления патриархов и отчасти императоров за период с 1315 по 1402 г.¹²

Аналізу были подвергнуты работы, в которых исследовался комплекс документов архива Константинопольского патриархата: патриаршие грамоты, соборные постановления, подписанные вселенскими патриархами и касающиеся поместных церквей и др.

Впервые они стали предметом научного рассмотрения в середине XIX в. Церковный историк протоиерей В.И. Григорович обнаружил в Греции два кодекса копий документов,

составил их описание и опубликовал часть из них в «Журнале Министерства Народного Просвещения».

Всего же акты из архива Константинопольского патриархата издавались трижды: в Вене уже упомянутыми нами Ф. Миклошичем и И. Мюллером в 1860—1862 гг., в Санкт-Петербурге А.С. Павловым в 1880 г. (переизданы В.Г. Дружининым в Русской исторической библиотеке – РИБ. 1908. Т. VI).

В настоящее время группой австрийских ученых ведется работа над новым полным изданием актов в шести томах (вышли три тома)¹³.

Дополняют список документальных источников по теме путевые записки русских путешественников XIV—XV вв. – так называемые хождения в Византию, Малую Азию, Палестину и проч. Использованы тексты хождения Игнатия Смольнянина – 1389 г.; дьяка Александра – 1391 – 1397 гг.; инока Зосимы – 1419—1422 гг.; неизвестного суздальца – 1437—1440 гг.; Авраамия Суздальского – 1437—1440 гг. и др.¹⁴, а также житийная литература и повести: «Житие Сергия Радонежского»; «Житие епископа Тверского Арсения», «Житие Рязанского епископа Василия»; «Житие преп. Макария Желтоводского, Унженского» и проч.¹⁵

Что касается историографической традиции изучения русско-византийских отношений, то следует подчеркнуть, что она имеет давнюю и богатую историю. По справедливому замечанию М.В. Бибикова, «невозможно строго определить хронологическую грань «начала» освоения византийских сочинений в России. Эта традиция прослеживается уже в древнерусских исторических памятниках»¹⁶. Византийские хроники Иоанна Малалы, Георгия Синкелла, Георгия Амартола и другие греческие источники по древнейшему периоду всемирной истории и раннему христианству широко использовались задолго до XV столетия: еще составителями «Повести временных лет» (XII в.), «Еллинского и Римского летописца», «Хронографов» (вторая половина XV в.).

В XVII столетии интерес к русско-византийским отношениям прослеживается в таких трудах, как «Синописис» (от *греч.* обозрение, общий взгляд, сокращенное изложение) или краткое описание «О начале славянского народа, о первых киевских князьях... до царя Федора Алексеевича», приписываемое игумену Псково-Печерского монастыря Иннокентию Гизелю (ум. в 1683 г.)¹⁷, где содержится оценка деятельности митрополитов Алексия, Киприана, событий Ферраро-Флорентийского собора, и, конечно, «Скифская история» стольника Андрея Лызлова (1682). Этот труд как бы завершил начальный этап освоения византийских источников с целью изучения русской истории. Значение этого периода заключалось в создании предпосылок научных исследований в области византийского источниковедения отечественной истории, которое получило свое подлинно научное развитие уже в следующем, XVIII столетии, традиционно считающемся временем становления русской исторической науки.

Именно тогда была проведена большая работа по сбору, публикации и переводам византийских источников, относящихся к русской истории, утвердился новый метод критического исторического источниковедения, что во многом определило в это время становление как русской исторической науки¹⁸, так и византиноведения в целом¹⁹.

В.Н. Татищев в «Истории Российской» опирался на труды таких византийских авторов, как Зонара, Евстафий, Никита Хониат, Михаил Глина (XII в.), Плифон, Ласкарь, Дука, Даниил Эфесский (XV в.). Их свидетельства даны в сопоставлении с русскими летописными известиями. В ходе работы ученый привлек большое количество новых и разнообразных исторических источников, в том числе дипломатические бумаги и акты, выписки из которых он делал в архивах Москвы, Казани, Астрахани и других городов²⁰.

Традиции конкретно-исторического изучения русско-византийских отношений были продолжены российскими учеными и в начале XIX столетия.

Идеи национальной самобытности Руси, общности развития византино-русского «Востока» в противоположность «Западу», сближение на этом основании судеб Византии и России были выдвинуты в обобщающей «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина²¹.

Значительный вклад в изучение многих аспектов внешнеполитической светской и церковной истории русско-византийских отношений XIV—XV вв. внесли труды С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, В.С. Борзаковского и др.²²

Помимо общих работ по вопросам русско-византийских отношений, места Руси в международной жизни во второй половине XIX в. печатаются многочисленные статьи по частным вопросам изучения отдельных памятников, конкретным проблемам русско-византийских, в том числе церковных отношений. Обобщению этих наблюдений посвящены работы В.С. Иконникова, А.Н. Попова, А.С. Павлова²³.

Полную и объективную информацию по теме исследования можно найти в капитальных трудах специалистов по истории Русской церкви Т.В. Барсова, Е.Е. Голубинского, А.П. Зернина, П.П. Соколова; митрополита Макария (Булгакова); В.И. Саввы; А.В. Карташева; известного русского богослова-модерниста протоиерея о. И.Ф. Мейендорфа²⁴.

Таким образом, к началу XX в. в результате большой публикаторской работы в России и за рубежом была создана обширная источниковедческая база для фундаментальных исследований в области русско-византийских отношений. Сегодня в ряду многочисленных исследований по отечественной истории русско-византийским отношениям посвящен значительный комплекс работ А.П. Каждана, М.В. Левченко, З.В. Удальцовой, Г.Г. Литаврина, И.С. Чичурова, М.В. Бибикова и др.²⁵

К сожалению, советских исследователей мало интересовали вопросы дипломатии и внешней политики, особенно связанной с церковной историей. Последняя долгие годы находилась в забвении, а период конца XIV – середины XV в., находящийся в центре нашего внимания, рассматривался в основном с точки зрения анализа социально-экономических и политических явлений, подготовлявших объединение Руси.

Особняком стоят труды Л.В. Черепнина, М.Н. Тихомирова, А.А. Зимина, византинистов З.В. Удальцовой и Г.Г. Литаврина, а также современных российских и зарубежных ученых – историков, филологов, богословов: Ю.Г. Алексеева, Н.С. Борисова, В.А. Кучкина, Б.М. Клосса, А.И. Плигузова, Г.М. Прохорова, Н.В. Синицыной, А.Н. Сахарова, Б.Н. Флори, Э. Ключа, Дж. Маджески, Г. Подскальски, Т. Ставру и П. Вайсенселя, Д. Оболенского, А. Золтана и других, значительно расширивших спектр научных подходов к дальнейшему осмыслению исторических событий изучаемой эпохи²⁶.

В частности, немецкий исследователь Э. Ключ – автор известной монографии «Княжество Тверское (1247—1485)» – полагал, что все предшествовавшие историки рассматривали историю России с московской точки зрения. Сам же автор попытался изучить ее с позиции Твери и тверских князей, что позволило по-другому взглянуть на многие проблемы политического развития Северо-Восточной Руси, в том числе на идею «тверского регионального самосознания», которому в средневековых источниках соответствует понятие «тверская великая свобода», московско-тверские договоры, составленные в XIV—XV столетиях и проч.²⁷

Принципиальное значение для изучения отечественной истории конца XIV – первой половины XV столетия имела уже упомянутая нами выше работа церковного историка протоиерея Иоанна Мейендорфа, а также труды Д. Оболенского, венгерского слависта Андраша Золтана, американских ученых Дж. Маджески, Г. Подскальски, Т. Ставру и П. Вайсенселя, которые касались изучения отдельных аспектов указанной дипломатической и внешнеполитической проблематики, а именно международных связей русских земель с Константинополем²⁸.

В частности, изучая акты Константинопольского патриархата, И.Ф. Мейендорф отметил «усиленную административную активность в областях, непосредственно входивших в церковную юрисдикцию византийского патриарха, например, на территориях бывшей Киевской Руси, к тому времени политически разделенных между Польшей, великим княжеством Литовским и Монгольской империей»²⁹. Д. Оболенский ввел понятие «Византийское содружество наций», которым обозначалась конфедерация народов и стран, входящих в ареал культурного и политического влияния Византийской империи. А известный венгерский славист А. Золтан на основании изучения документов канцелярии митрополита Ионы 1448—1461 гг. и выявления западнорусской лексики в памятниках церковной дипломатии середины XV в., пришел к выводу, что «западнорусские писцы появились в московской митрополичьей канцелярии не вследствие подчинения митрополиту Ионе литовской православной церкви в 1451 г., а несколько раньше и, по-видимому, в связи с дипломатической деятельностью Ионы, направленной на воссоединение митрополии после его поставления в 1448 г.»³⁰.

М.Н. Тихомиров в книге «Средневековая Россия XIV—XV вв. на международных путях» в семи главах подробно рассмотрел вопросы, имеющие ключевое значение и для изучения нашей темы: «Международное положение России в XIV—XV вв.»; «Русские земли»; «Земледельческий строй»; «Городское ремесло»; «Торговля средневековой России»; «Общественный и политический строй»; «Культурная жизнь России». Немалое внимание ученый уделил русско-византийским церковным и культурным контактам. В последней главе он разместил параграф «Хождения и жития святых», где отметил источниковую ценность этих сочинений, явившихся ярчайшим образцом русско-византийских связей в указанные столетия³¹.

По наблюдениям Н.С. Борисова – автора нескольких монографий, освещающих роль церкви в политической борьбе русского Средневековья, митрополичья кафедра в XIV—XV вв. проводила свою политику и оказывала великокняжеской власти лишь такие политические услуги, которые отвечали ее собственным интересам. Византия, действуя по принципу «разделяй и властвуй», не была заинтересована в создании единого Русского государства, поэтому политика митрополичьей кафедры во многом определялась требованиями византийской дипломатии. Отсутствие эффективной помощи со стороны митрополии затрудняло объединительные процессы и централизаторскую политику великих князей Московских, однако не могло ее приостановить. Во второй половине XV столетия, уже после событий феодальной войны, зависимость митрополита от великокняжеской власти возросла³².

В 1999 г. специалисты Института российской истории РАН подготовили и опубликовали первый том пятитомного обобщающего издания «История внешней политики России. Конец XV—XVII вв. (от свержения ордынского ига до Северной войны)», который был посвящен внешней политике с древнейших времен до конца XVII в.³³, но и там не рассматривался интересующий нас дипломатический и внешнеполитический вектор: международные связи земель Северо-Восточной Руси с Константинополем. Таким образом, обзор существующей историографии показывает, что избранный нами ракурс исследования актуален и в той или иной мере рассматривался в трудах многих поколений исследователей (дореволюционных, советских, современных), но должного обобщения с учетом новейших достижений науки так и не получил. Правда, в последние годы ситуация стала постепенно меняться к лучшему.

Среди современных научных центров, особенно эффективно занимающихся изучением Византии и русско-византийских церковных, дипломатических и культурных связей, важных для настоящего историографического обзора, следует упомянуть Санкт-Петербургскую духовную академию; Санкт-Петербургский университет; кафедру византийской и новогреческой филологии МГУ им. М.В. Ломоносова во главе с Д.А. Яламас; музей им. Андрея Рублева (г. Москва) – единственный в России специальный музей, посвященный русской художественной культуре Средневековья; а также академические институты: Институт русской литературы

(Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург; Санкт-Петербургский институт истории РАН; Институт всеобщей истории РАН, г. Москва; Институт российской истории РАН, г. Москва; Институт славяноведения РАН, г. Москва. В их стенах работают специалисты, которые своими трудами вносят важный вклад в изучение истории Северо-Восточной Руси, ее дипломатических и внешнеполитических связей, в том числе с православным Востоком и, в частности, русско-византийских церковных контактов (О.А. Абеленцева; Л.А. Герд; М.В. Бибилов; Г.М. Прохоров (ум. в 2017 г.); В.А. Кучкин; Б.Н. Флоря)³⁴.

Если говорить о конкретных работах недавнего времени, авторы которых наиболее близко подошли к исследуемой теме, то они немногочисленны. В контексте интересующей нас проблематики необходимо, прежде всего, выделить историко-богословский труд архимандрита Макария (Веретенникова) «Митрополиты Древней Руси (X—XVI вв.)», в котором подробно исследуется святительское служение всех предстоятелей Русской церкви с Крещения Руси по 1586 г. Этот отрезок времени автор характеризует как митрополичий период, который стал самым продолжительным в истории Русской церкви и предшествовал периоду патриаршему. Исследование снабжено обширной библиографией и публикациями рукописного наследия русских митрополитов – духовных грамот, окружных посланий, слов и поучений³⁵.

К актуальным исследованиям следует отнести также работы Б.М. Пудалова «Борьба за Нижегородский край в первой трети XV в. // Поволжье в Средние века»; Б.В. Кричевского «Митрополичья власть в средневековой Руси (XIV в.)»;

А. А. Горского Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – сер. XV в. // Средневековая Русь»; Н.Г. Пашкина «Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402—1438)»; Б.Н. Флори «Православный мир Восточной Европы перед историческим выбором (XIV—XV вв.) // Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское Средневековье»;

В. А. Лапшина «Тверь в XIII—XV вв.»; С.Ю. Тарабрина «Тверские князья и русские митрополиты (вторая половина XIII—XV вв.): Эволюция отношений»; «История Русской православной церкви: В 2 т. / Отв. ред. Р.И. Авдеев; науч. ред. Т.Ю. Тимофеева. Т. 1. История Русской Церкви от начала распространения Христианства на Руси до учреждения Патриаршества в Москве (1589)»; «История русского православного зарубежья. Т. I. Русское православное зарубежье до 1917 г. Кн. 1. Русское православное присутствие на христианском Востоке X – нач. XX в.» – академическое обобщающее исследование, посвященное роли России в мировой истории и ее вкладу во всемирное духовное наследие³⁶.

Заслуживает упоминания в этом ряду и такое издание, как «Православная энциклопедия» (35 томов), создание которой началось еще в 2000 г. по благословению патриарха Алексия II, а затем было продолжено под руководством патриарха Московского и всея Руси Кирилла. В работе над энциклопедией участвовали Московские Духовная академия и семинария, институты Российской академии наук, Московский, Санкт-Петербургский и ряд региональных университетов, а также научные центры США, Греции, Италии. В каждом томе представлена обширная информация о церкви, церковных иерархах, святынях и проч., важная и для изучения русско-византийских дипломатических контактов XIV—XV столетий.

Также следует отметить труд известного британского историка-византиста С. Рансимена «Великая церковь в пленении. История Константинопольской церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г.», который касается древней истории, богословия и внутренней организации византийской церкви (первая часть книги) и положения Константинопольского патриархата («Великой Церкви») после падения Константинополя в 1453 г. Особое место в исследовании уделено напряженным отношениям Константинопольского патриархата с Русской церковью³⁷.

Для реконструкции событий церковно-политической истории Тверского, Нижегородского княжества и местного епископата изучалась существующая научная литература³⁸. Знакомство с ней показало, что благодаря усилиям не одного поколения исследователей по истории удельных княжеств

Северо-Восточной Руси накоплен большой фактический материал. Большинство авторов изучали, прежде всего, их политическую историю, основой которой была борьба за лидерство над землями Великого Владимирского княжения, а затем его преемника – Великого княжества Московского. В результате такого подхода до настоящего времени все еще слабо разработанными остаются вопросы церковно-политической жизни Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., в частности, ее связи с Константинопольским патриархатом.

Одним из центральных международных и политических событий средневековой Европы XV столетия, оказавших глубокое влияние на историю Руси, Византии и остального мира, стал Ферраро-Флорентийский собор 1438—1439 гг., который привлек наше внимание в контексте изучения международных отношений того времени (попытка европейцев и Рима создать европейскую блокаду в борьбе с усиливающимися турками-османами и использовать Русь как противовес с Востока), внешнеполитической активности княжеств Северо-Восточной Руси и их связей с Константинополем. Одновременно участие в соборе представителей Русской церкви было первым (если не считать Базельский собор 1431 г., в котором участвовал митрополит Исидор) официальным присутствием Московской Руси на таком крупном международном собрании. Итогом собора явилось подписание унии между Православной и Римско-католической церквями. Однако уже вскоре после того, как великий князь Московский Василий Васильевич II (Темный) и большинство православного клира – на Руси и во главе с Марком Эфесским – в Византии решения собора отвергли, стало очевидно, что союз между церквями не состоялся. Опыт Византии, ослабевшей под ударами турок-османов и спасовавшей перед напором католического Рима, для Московской Руси, сила которой благодаря процессам централизации, напротив, нарастала, оказался неприятием.

В историографии изучению политического, идеологического и конфессионального значения Ферраро-Флорентийского собора 1438—1439 гг. посвящен значительный комплекс научных работ. Первые исследования по истории собора появились в отечественной историографии еще в XIX столетии. У истоков пробуждения интереса к указанному вопросу стояли такие видные специалисты, как Н.С. Тихонравов, И.Н. Остроумов, Е.Е. Голубинский, митрополит Макарий (Булгаков) и др.³⁹

Следующий этап научного осмысления Ферраро-Флорентийского собора и его итогов открыл комплекс работ советских и зарубежных специалистов уже XX столетия. В этот период заметно расширилась источниковая база исследования этого важного международного события. Еще в 1940—1950-х гг. XX в. представителями западной историографии были предприняты попытки собрать и издать все касающиеся деятельности собора латинские и греческие источники. Удачным обобщением результатов проделанной работы стал фундаментальный труд профессора Оксфордского университета иезуита Джозефа Джилла, изданный в Риме Папским институтом восточных исследований «Ориенталиа Кристиана», в котором главные аспекты деятельности собора получили всестороннее освещение⁴⁰.

В 1960-х годах были опубликованы регесты (или росписи документов) византийских императорских актов. (Подробнее см. Терминологический словарь настоящей работы. – Е. М.) Соответствующее издание было осуществлено Францем Дёльгером. Материалы, относящиеся к первой половине XV в., содержатся в пятом, последнем, томе этого издания⁴¹. Регесты фиксируют все документы дипломатических контактов, инициированных византийским императором, сведения о которых сохранились как в первичных, так и во вторичных источниках. Постепенное и последовательное возрождение интереса к истории начиная с 1950—1970-х и

особенно интенсивно с середины 80-х гг. XX столетия привлекло внимание отечественных специалистов и к международным аспектам заключения унии, и к судьбам непосредственных участников собора. Рост научного интереса сопровождался не только новыми публикациями источников, но и значительным расширением спектра основных направлений научных исследований⁴².

Опираясь на достижения историографии прошлого, представители отечественной и зарубежной науки провели большую работу по изучению и систематизации фактов о ходе самого Ферраро-Флорентийского собора, его документальных источников и литературного наследия; сути богословских расхождений относительно «филиокве» (добавлении, сделанном Римской церковью к Символу веры об исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но «...и от Сына»); исторических персоналий и участников (Марк Эфесский, Виссарион Никейский, Исидор, Авраамий Суздальский, Неизвестный Суздалец и др.). Ключевую роль в актуализации изучения факторов дипломатического и внешнеполитического курса великих князей Московских и Русской православной церкви сыграли издания и публикации, подготовленные А.В. Карташевым, Н.А. Казаковой, Н.И. Прокофьевым, Н.В. Синицыной, Б.Н. Флорей и др.⁴³

В последнее время эта наметившаяся в историографии тенденция стабильно и динамично развивается: уния, как результат двустороннего компромисса и одновременно инструмент конфессиональной и внешнеполитической борьбы Запада и Востока в международных отношениях, все чаще становится центральным объектом научного исторического изучения. Многое современными исследователями уже сделано⁴⁴, но отдельные нюансы дипломатического и внешнеполитического курса Великого княжества Московского и его князей по отношению к собору и его результатам так и не прояснены и заслуживают внимания исследователей. В частности, до сих пор нет четкого представления о том, как проблема церковной унии была связана с политической сферой, внешнеполитическими тенденциями русской и общеевропейской политики.

Интерес к истории и событиям Ферраро-Флорентийского собора растет и в богословских кругах. Отчасти это связано с тем, что 12 февраля 2016 г. в аэропорту Гаваны (Куба) впервые в истории обеих церквей состоялась встреча папы римского Франциска и патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Спустя 1000 лет ветви разделенного христианства проделали важный шаг навстречу друг другу и невольно заставили вновь обратиться к истории отношений двух церквей.

Все вышеизложенное приводит к необходимости, опираясь на отечественные, в основном летописные, источники, сосредоточить внимание на особенностях дипломатических и внешнеполитических связей княжеств Северо-Восточной Руси с Константинополем и регионального самосознания главных оппонентов Москвы в борьбе за собирание русских земель – Твери и Нижнего Новгорода, поскольку каждая из них вырабатывала собственные принципы церковной внешней политики (различия в отношении к константинопольскому патриарху, к митрополитам, назначаемым из Константинополя, епископам и проч.), стремясь не просто установить дипломатические отношения с Константинопольским патриархатом, но и использовать его влияние и авторитет для утверждения своих позиций на Руси.

Структура исследования состоит из введения, четырех разделов, дополненных библиографией, терминологическим словарем и приложениями: 1. Русская митрополичья кафедра, конец XIV – середина XV в.; 2. Патриархи Константинопольские, конец XIV – середина XV в.; 3. Византийские императоры, конец XIV – середина XV в.; 4. Папы римские, конец XIV – середина XV в. При составлении приложений использовались материалы изданий, подготовленных Г. Подскальски, А.М. Величко, С.Б. Дашковым⁴⁵.

Как было показано, в различных источниках и научной литературе (отечественной и зарубежной) в той или иной мере отражены различные аспекты дипломатической и внешне-

политической истории княжеств Северо-Восточной Руси, в том числе связей с Константинопольским патриархатом, – что свидетельствует о необходимости их систематизации и проведения комплексного анализа.

Раздел I

Русь – Византия – Константинопольский патриархат: основные вехи истории

Крестившись (X в.), Русь вошла в семью христианских народов, стала полноправным субъектом международной политики и мировой истории. Так была подготовлена почва для расширения русско-византийских дипломатических, религиозных и культурных контактов, в ходе которых она активно усваивала систему духовных ценностей средневекового византийского мира. Церковь, находившаяся в постоянном контакте с Византией, открывала русскому обществу христианскую цивилизацию. И на всех этапах этого исторического взаимодействия отношения Руси и Византии во многом определялись расстановкой политических сил в Европе.

Территория Руси была одной из митрополий (*греч.* μητρόπολη – область, находящаяся в канонической власти митрополита). В древности она именовалась епархией (ἡ ἐπαρχία), которой он руководил. Как отмечал Г. Подскальский, «в константинопольском патриархате была учреждена Русская епархия – 62-я по счету (перед Аланией, где в 997/998 гг. известен митрополит Николай)»¹, а «на Русь из Константинополя от византийского патриарха – главы христианской церкви – был прислан митрополит, которому со временем были подчинены одиннадцать епархий: Белгородская, Новгородская, Черниговская, Полоцкая, Владимирская, Переяславская, Суздальская (Ростовская? – Е. М.), Туровская, Каневская, Смоленская, Галицкая. ... В начале XIII в. от Галицкой епархии отделилась Перемышльская кафедра, а еще две кафедры – от Владимиро-Волынской епископии. Это были первые шаги на пути разделения Северо-Восточной и Юго-Западной Руси...»²

Если между епархиями и митрополитом возникали противоречия, то обращались для их разрешения к патриарху. «С V века патриархами стали именоваться архиепископы первенствующих церквей, т. е. Римский, Антиохийский, Александрийский, Константинопольский и Иерусалимский. Но преимущество константинопольского патриарха над прочими началось только с Халкидонского собора (451 г.), на котором отцы церкви издали специальное правило «Кормчую книгу Халкидонского собора, правило XXVIII», по которому константинопольский патриарх был поставлен одинаковым с Римским папой и получил верховную власть над всеми восточноевропейскими и малоазийскими епархиями, включая епархии у варваров по берегам Черного моря. Кроме того, патриарх получил право рукополагать всех митрополитов в подвластных ему епархиях»³.

Власть и могущество патриарха еще более возросли в период правления императора Юстиниана I. В грамотах и императорских указах он стал именоваться «Вселенским»; располагал собственной резиденцией в столице – Константинополе, которая стала центром определенной области или «патриархата», подобно Антиохии, Александрии, Иерусалиму; имел право «крестоводружения» (ставропегии) при закладке церкви или монастыря; пользовался значительными преимуществами в праве высшего суда в делах церковных; созывал на соборы митрополитов своих диоцезов, а митрополиты, в свою очередь, приглашали на епархиальные соборы подвластных им епископов; наконец, при короновании императоров совершал миропомазание. Титул патриарха в византийские времена полностью звучал следующим образом: «милостию Божией Архиепископ Константинополя – Нового Рима и Вселенский Патриарх». Он был косвенным отражением представления о вселенской миссии патриархии»⁴.

Митрополитами, присланными на Русь из Византии, по большей части были греки (с середины XI в. короткое время – русин Илларион). Выражение «приѣха на митрополию Рус-

скую митрополить (N), родомъ Гречинъ» широко распространено в русских летописях. Император Византийской империи как глава христианского мира формально обладал властью и над русскими митрополитами. Однако, как отмечал А.А. Васильев, «осуществление полномочий митрополита в значительной степени зависело от князя, который на тот или иной момент времени занимал великокняжеский престол»⁵. Верховная власть и авторитет митрополита в глазах епископов и удельных князей были чрезвычайно высоки. Киевские, позднее владимирские, а также московские владыки не раз выступали в качестве посредников в разрешении дипломатических и военных конфликтов между князьями, способствуя сохранению мира на Руси. Их вклад в дипломатическую историю несомненен. Со временем православная церковь в лице митрополитов стала мощным инструментом дипломатии и объективным фактором центростремительных тенденций.

Византия, где церковь была подчинена императору, а отношения церкви и государства юридически регулировались «теорией симфонии», изложенной в VI новелле Кодекса императора Юстиниана, в сознании русских православных людей долгое время была высшим наставником и примером, ведь именно в Константинополе находилась резиденция патриарха. Это обстоятельство значительно расширило международные связи средневековой Руси, способствуя увеличению количества политических, торговых, культурных контактов, в том числе путешествий русских в Константинополь и на христианский Восток, главным образом в Палестину и ее религиозный центр – Иерусалим. Митрополиты посещали Константинополь для участия в соборах по приглашению вселенских патриархов и с другими целями. Не только церковные иерархи, но и представители княжеских семей отправлялись в паломничество в Царьград (например, княгиня Анна Всеволодовна, дочь киевского князя Всеволода Ярославича в 1089—1090 гг. и др.); брачные союзы русских князей и их дочерей с византийской правящей элитой, ставшие частым явлением в политической жизни Руси уже в XII в., предопределили еще один вид русского присутствия в Константинополе.

Развитию русско-византийских контактов во многом способствовала и разветвленная система речных путей сообщения. Заинтересованность Руси в торговых связях с Византией и иными странами средневекового мира по Волжскому, Донскому, Днепровскому, Днестровскому пути усиливала ее дипломатическую и внешнеполитическую активность в прилежащих к ним регионах. Благодаря коммуникативной подвижности купцов, паломников, дипломатов (светских и церковных) здесь постоянно завязывались узлы международных отношений, которые с течением времени сменялись новыми комбинациями политических интересов, не только рождая «друзей» и «врагов», но и расширяя сферы международного влияния Руси.

Черное море – перекресток евразийских торговых путей (Великого шелкового пути и пути «из варяг в греки») – приобрело для развития международных экономических и церковно-политических связей с Византией исключительное значение. На берегах Понта в результате взаимодействия различных культур (античной, средиземноморской, генуэзской, венецианской, византийской, степной) возникли крупные торговые центры, портовые города, привлекавшие купцов из различных стран (Судак – Сурож; Феодосия – Кафа; Азов – Тана и др.), развернувших активную торговлю восточными и европейскими товарами⁶. Северо-Восточная Русь не стала исключением и в силу целого ряда политических, экономических и конфессионально-культурных обстоятельств оказалась тесно связана с Черноморским бассейном.

Распад некогда единой Древней Руси и начало удельного периода русской истории (30-е гг. XII столетия) привели к перемещению древнерусской государственности из Киева на северо-восток (сначала во Владимир-на-Клязьме, а затем в Москву)⁷.

К сожалению, уже в XIII столетии динамичное развитие Руси было осложнено нашествием Батыя. Не сумев дать должного сопротивления и отпора кочевникам на юге, к 1240

г. большая часть Юго-Западной, Южной и Северо-Восточной Руси была завоевана ордынцами, которые оказали доминирующее влияние на весь последующий ход русской истории, в том числе и на русско-византийские церковные связи⁸. Благодаря политике веротерпимости и лояльности к церкви (ярлыки, выдаваемые ханами русским митрополитам, давали льготы и преимущества, освобождали от податей, создавали условия для сохранения имущества церкви, судебной власти в делах церковных и возрождения государственности)⁹ Орда невольно способствовала возвышению Москвы и укреплению власти митрополитов, одновременно ослабляя влияние патриарха Константинопольского на русскую иерархию.

С конца XIII в. Москва, Тверь и Нижний Новгород стали лидерами в смысле внешне-политических, экономических, культурных амбиций и устремлений русских земель. Важно отметить, что в силу особенностей географического расположения эти политические центры Северо-Восточной Руси были удалены от мировых морских и океанских путей, что ставило их в невыгодное положение с европейскими странами (Германия, Швеция, Дания), чьи территории примыкали к теплым морям и испытывали на себе благотворное межкультурное влияние. Этим обусловлено постоянное стремление русских регионов-лидеров выйти на международную арену, пробиться к мировым центрам цивилизации, овладеть выгодными торговыми путями, наладить дипломатические контакты с Византией и ее столицей – Константинополем, с Балканами, со странами Передней и Малой Азии.

Разорение и общее ослабление русских земель после нашествия привело к тому, что Русь, за исключением, пожалуй, Смоленска, Новгорода Великого, Пскова, Полоцка, Турова и Пинска, оказалась втянутой в орбиту ордынской внутренней и внешней политики, играя роль «буфера» между Ордой и Европой. Одним из результатов этих процессов стало не только ухудшение международной обстановки, но и активизация политических противников Руси на юго-западе и северо-западе. Уже к началу XV в. Русь потеряла часть своих территорий: юго-западными землями овладели Польша, Литва и Венгрия; Литва присоединила Полоцкую землю и Смоленское княжество (1404 г.). Русь с трудом контролировала устье Невы и защищала Карелию, западную часть которой отторгла Швеция. Ценой больших жертв и усилий удерживали Псков, отражая вторжение рыцарей Тевтонского ордена. В сложившихся условиях набегов Орды, опасности нападения Швеции, Тевтонского ордена и Литвы великие князья Московские (Даниил, Иван Калита, Дмитрий Донской и их преемники) уже с 30-х гг. XIV в. инициировали процесс собирания русских земель. Объединительный процесс шел постепенно и сопровождался столкновением политических интересов Руси, Орды, Великого княжества Литовского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.